

«РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!»

Заметки о Пушкине

Герман Смирнов

В 2009 году исполняется 210 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Более полутора столетий великороссы живут в духовном и душевном родстве с чародеем русского слова, о котором другой великий поэт Фёдор Тютчев некогда сказал:

**Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!**

Часто повторяя эту фразу, мы редко задумываемся: что значит это сравнение пушкинского творчества с первой любовью.

Для отдельного человека сладость первой любви не столько в яркости и остроте переживаний, сколько в том, что весь этот комплекс чувствований испытывается впервые. В дальнейшей жизни ему могут выпасть любовные чувства, неизмеримо более сильные, но всё это будет уже второй, третий, энный раз. Испытанное же впервые повторить, увы, никому не дано... И как отдельный человек первой любовью ввергается в новую, неизвестную ему стихию, так и русский читатель чтением Пушкина

ввергается в сокровенную сердцевину поэзии, впервые получает цельное представление об этой сфере переживаний. Ведь Пушкин не только «выносил в себе всё», как сказал о нём Аполлон Григорьев. Он и высказал всё выношенное по-своему, по-пушкински. Он как бы перевёл всё лучшее, всё созвучное его душе, что было в творчестве античных, средневековых и современных ему иностранных поэтов, на свой волшебный пушкинский русский язык. И переводы эти настолько превосходили оригиналы, что многим «обобраным» поэтам впору было гордиться, что на их вирши обратил внимание и счёл достойными того, чтобы переписать их своим божественным глаголом, сам Пушкин.

Вот почему, прочитав не очень уж большой по объёму томик пушкинских стихов, русский читатель оказывается перенесённым в самую сердцевину мировой поэзии. И только у русского читателя благодаря Пушкину есть такая чудесная возможность. И после Пушкина никому не дано повторить ту миссию в России. И сердце России никогда не забудет Пушкина, как никогда не забывает свою первую любовь ни один человек на свете...

Сам не следовал своим правилам

Как умно и правильно рассуждал Пушкин. «Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне, — писал он, — не оскорбляйте же глупцов». А как поступал сам? всю жизнь действовал вопреки им же самим сформулированному правилу. Взял да написал в своей знаменитой стихотворной родословной:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, меццанин!

Небольшое стихотворение, а посмотрите, сколько оно сразу задело знатных и влиятельных родов. Блинами торговал будущий сподвижник Петра I светлейший князь Меншиков. Ваксил сапоги императору Павлу I граф Кутайсов — пленный турчонок, подаренный будущему императору одним генералом. С придворными дьячками пел фаворит Елизаветы Петровны Алексей Разумовский, из хохлов прыгал в князя Безбородко. А беглым австрийским солдатом был предок графа Клейнмихеля. Читая подобные пушкинские творения, его самые искренние доброжелатели приходили в ужас.

«Поэт Пушкин, — писал Карамзин своему другу Дмитриеву из Москвы в 1820 году, — написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и пр. Это узнала полиция. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного року и Немезиде, однако ж из жалости к таланту замолвил слово, взяв с него обещание уняться».

Но выполнил ли Пушкин данное им обещание?

Нет, до последнего дня жизни он только и делал, что «оскорблял глупцов» и как раз имел большинство голосов против себя. Царь, осаждаемый жалобами на поэта, попытался предостеречь его через императрицу. «Государь знает, что Пушкин — вполне порядочный человек, — говорила государыня Александра Фёдоровна одной из пушкинских знакомых, — но, к несчастью, он создал себе множество врагов. Это большая ошибка с его стороны». Но Александр Сергеевич, похоже, не внял доброму совету, и через некоторое время уже сам царь жаловался Смирновой-Россет на поэта и просил её передать Пушкину, что надо быть благоразумнее и «не задирать людей...»

Вот правда жизни: и друзья ругают, и царь просит, и сам понимаешь, что и как надо делать, а поступаешь наоборот!

Бедность спасла

В одном из лицейских стихотворений Пушкина есть загадочные строки:

...остался я живым,
Но был у смерти под косою:
Сазонов был моим слугою...

Почему же слуга Сазонов в представлении поэта отождествился со смертельной угрозой?

Оказывается, это был отклик на ужасные события 1816 года, когда полиция Царского Села задержала лицейского дядьку Константина Сазонова, который за два года убил в городе и окрестностях шесть или семь человек. Много лет спустя старого каторжника спросили: что заставляло его убивать людей?

— А так, вот живёшь и живёшь, всё обрыдло. Пойдёшь, выследишь, убьёшь. И душа отходит.

— А на лицейстов не покушался? На Пушкина?

— Был грех. Спит он, дышит ровно, рука сама потянулась к горлышку. Но вспомнил: денег нет у него, взять нечего. И как-то отпустило.

А у Дантеса через двадцать лет «не отпустило»...

Приключения портрета

Два пушкинских портрета считаются образцовыми. Оба написаны в 1827 году. Один — работы петербуржца О.Кипренского, второй — москвича В.Тропинина. Первый — романтический — был заказан лицейским другом Пушкина А.Дельвигом, второй — бытовой — самим Пушкиным. Тропинин писал его в своём доме на Ленивке. Заметив у Пушкина на ми-

Василий Тропинин.
Портрет А.С. Пушкина. 1827 год

ПУШКИНИАНА

зинце длинный ноготь — отличительный признак масонов, Тропинин, сам масон, дал Пушкину опознавательный знак, но вместо ответного масонского жеста Александр Сергеевич строго погрозил Тропинину пальцем...

С этим портретом произошла поистине детективная история. Пушкин заказал его для своего друга С.Соболевского, у которого портрет находился до 1836 года. Уезжая надолго за границу, Соболевский оставил свою библиотеку вместе с пушкинским портретом И.Киреевскому. Тот в свою очередь сдал свой дом вместе с находившимся в нём имуществом Соболевского внаём профессору Шевырёву. У кого-то из них некий крепостной живописец выпросил тропининский портрет Пушкина для снятия копии. Что произошло дальше, неизвестно, но когда через пять лет Соболевский вернулся в Москву, в раме вместо тропининского шедевра находилась такая скверная копия, что он в бешенстве выкинул её в окно.

В 1850-х годах князь М.Оболенский случайно приобрёл у плутоватого антиквара Бардина подлинный портрет и даже носил его к Тропинину для опознания и реставрации. Художник признал свою руку, но реставрировать портрет отказался: сделанное в молодости в старости можно только испортить. В 1909 году от Оболенского портрет поступил в Третьяковскую галерею, а из неё в Государственный музей А.С.Пушкина.

Интересная деталь: Оболенский заплатил антиквару за тропининский портрет 50 рублей, а Пушкин после смерти Дельвига выкупил у его вдовы свой портрет кисти Кипренского за 1000 рублей!

Ай, да Пушкин!

Произведения Пушкина, такие ясные и прозрачные для нас, потомков, очень часто были порождены острой тайной

полемикой нашего гениального поэта с его современниками. Так, парадоксальный пушкинский «Станционный смотритель» был вызовом пошлому «Станционному смотрителю» посредственного тогдашнего литератора Кизельгофа. Многие строки «Медного всадника» были полемическим ответом Александра Сергеевича на злопыхательские вирши Адама Мицкевича. А пушкинский «Домик в Коломне» — блистательное противоположение унылому «Уединённому домику на Васильевском» малоизвестного тогдашнего поэта В. Теплова.

Создаётся впечатление, будто творчество даже заурядных современников будило пушкинскую мысль, заставляло его мысленно восклицать: «Да что же вы пишете? Посмотрите, что можно сделать из испорченного вами материала!» Считаю, что однажды даже дядя Александра Сергеевича, далеко не бесталанный поэт Василий Львович Пушкин, дал племяннику повод продемонстрировать необыкновенные умственные способности.

В одной из своих поэм Василий Львович позволил себе пренебрежительно отозваться о сказках:

**Лжец и сказочник всё то ж,
Знают все, что сказка — ложь.**

А Александр Сергеевич противопоставил вполне тривиальному дядину утверждению свою знаменитую, поистине гениальную мысль:

**Сказка — ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок!**

Дар роковой

В октябре 1827 года Александр Сергеевич Пушкин появился у своего лицейского одно-

кашника Антона Дельвига с необычным подарком. Протянув хозяину человеческий череп, он прочитал сочинённые им по этому поводу стихи:

**Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.**

Оказалось, что этот череп принадлежал одному из предков Дельвига, похороненному в Риге. При каком-то случае его тайком похитил поэт Николай Языков и подарил своему однокашнику по Дерптскому университету Алексею Вульффу, приспособившему череп для хранения табака. Увидев у своего соседа по имени такую необычную вещь, Пушкин выпросил у него череп, привёз его в Петербург и подарил прямому потомку умершего. И так легкомысленны, неосторожны были молодые поэты, что тут же превратили череп в чашу, из которой все собравшиеся на пирушку пили по очереди вино.

История эта более или менее известна, но мало кто задумывается о финале этой кощунственной истории. Через три года умер в возрасте 33 лет от какой-то таинственной болезни Дельвиг. Ещё через шесть лет насильственно ушёл из жизни 37-летний Пушкин. А у закопёрщика всей этой истории Языкова именно в 30-х годах начала развиваться сухотка спинного мозга, сведшая его в могилу в 1846 году в возрасте 38 лет.

Избежал суровой участи один только Вульф, благополучно доживший до 76 лет, но он, похоже, не пил вина из черепа дельвиговского предка...

Перстни Пушкина

В подмосковном имении князя П.А. Вяземского Остафьево был небольшой музей с уникальными экспонатами.

В их числе находилась, например, трость А.С. Пушкина с вделанной в неё пуговицей от камзола А.П. Ганнибала — «арапа Петра Великого» и пушкинский жилет, пробитый пулей Дантеса.

У Пушкина было три перстня. Один из них выиграла в домашней лотерее Мария Николаевна Волконская. От неё перстень перешёл к внуку С.М. Волконскому, который впоследствии подарил его Пушкинскому дому Академии наук.

Второй перстень — знаменитый «талисман», подаренный по эту графиней Е.К. Воронцовой. Это был золотой перстень с восьмигранным сердоликом и таинственной надписью на

древнееврейском языке. Пушкин считал эту надпись заклинанием, а сам перстень талисманом. Увы, это оказалось романтической мечтой; петербургский академик Д. Хвольсон перевёл надпись: «Симха, сын достойного Ребе Иосифа, да будет благословенна его память». Пушкин носил его на большом пальце правой руки, как это видно на тропининском портрете. В день смерти Пушкина его вдова сама надела этот перстень на палец В.А. Жуковскому. Василий Андреевич подарил «талисман» Тургеневу, а тот завещал его Льву Толстому. Но Полина Виардо не исполнила завещание Ивана Сергеевича: пушкинский перстень, так и не дойдя до Ясной Поляны, попал в Пушкинский музей при Александровском лицее в Петербурге, откуда и был похищен перед революцией.

Третье кольцо некая таинственная дама завещала великому князю Константину Константиновичу, известному поэту К.Р. А великий князь в свою очередь завещал бесценный раритет Академии наук (он был её президентом). Но... в 1917 году музей Академии был разграблен, и пушкинский перстень исчез навсегда!

Пропала и обретена вновь

Со школьных лет знакома нам эта знаменитая картина, на которой изображён Александр Сергеевич, читающий «Горе от ума» своему лицейскому другу Ивану Пущину, навестившему опального поэта в январе 1825 года. Приступая к работе над картиной, художник Николай Николаевич Ге столкнулся с немалыми трудностями. В Михайловском он застал полуразвалившийся дом, в котором уцелела одна-единственная комната, да и то с обвалившимся потолком. Так что художнику пришлось искать другой интерьер, чтобы написать сцену встречи друзей. И сегодня мало кто знает, что на картине «А.С. Пушкин в Михайловском» изображена комната усадьбы Тригорское, принадлежавшей пушкинской соседке Осиповой-Вульф.

«Где у вас портрет?» — спросил Ге у обитателей запущенной усадьбы. Ему принесли из кладовой покрытый пылью, растрескавшийся портрет Пушкина кисти великого О.Кипренского.

Николай Николаевич подновил оригинал и снял с него копию, находящуюся ныне в музее А.С.Пушкина. Посмертную маску поэта и портрет Пущина

предоставила художнику племянница их лицейского приятеля К. Данзаса.

Картину, завершённую в 1875 году, приобрёл у Ге поэт Николай Алексеевич Некрасов. После его смерти наследники продали её петербургскому антиквару А. Фельтону, после чего она затерялась. Николай Николаевич умер, так и не узнав, куда она подевалась. Лишь в 1900-х годах сын художника, решивший издать альбом и два года ездивший по всей России в поисках отцовских работ, случайно обнаружил её у харьковского коллекционера Б.Г. Филонова. Так вновь обретенный шедевр Н.Н. Ге оказался в харьковском художественном музее.

Душой желанный «кто-нибудь»...

В третьей главе «Евгения Онегина» Пушкин, описывая душевное состояние Татьяны Лариной, сердце которой созрело для любви, написал поразительную строку:

**Пришла пора, она влюбилась.
Душа ждала... кого-нибудь...**

И большинство из нас, прочитав эту пронзительную, сжатую, изящную мысль, даже не догадывается, что Александр Сергеевич придумал её не сам, а заметил, оценил, усвоил и творчески претворил прекрасную находку своего современника Николая Михайловича Коншина (1793–1859). Воин, чиновник, историк Николай Михайлович был талантливым поэтом-любителем, печатавшимся в «Полярной звезде», «Невском альманахе», «Новостях литературы» и других тогдашних журналах и альманахах. Одно из его стихотворений, посвящённое сестре, называлось: «**Кому-нибудь**»:

Тоска любви волнует грудь,
И мрачен сердца сон печальный,
И снится образ идеальный,
Твой милый образ, Кто-нибудь!

И этот сон не даст уснуть,
Сон этот враг успокоенью,
И следует повсюду тенью,
Душой желанный Кто-нибудь!

Но краток жизни быстрый путь;
Проходят дни, пройдут напасти;
Сожгут погибельные страсти
И молодость, и кровь, и грудь.

Тогда приятно отдохнуть
На смертном холоде придётся,
И — радость — сердце не забудётся,
Тоской, тобою, Кто-нибудь!

Коншин написал это стихотворение в 1822 году, за год до того, как Пушкин начал писать свой бессмертный роман в стихах. И тем удивительнее, что поэт второго ряда в своём небольшом стихотворении, в сущности, предугадал всю «даль свободного романа», которую ещё не ясно различал сам его гениальный автор!

«Плачь, муза, плачь!»

Так закончил Пушкин своё стихотворение «Андрей Шенье», написанное за несколько месяцев до восстания декабристов и распространившееся в списках по всему Петербургу. Из-за этого у Александра Сергеевича были большие неприятности: его привлекли к следствию по делу декабристов, и он был вынужден трижды давать показания. Такая строгость к нему властей не совсем понятна. Ведь Пушкин описал душевные страдания поэта Андрея Шенье (1762–1794), который приветствовал революцию, но, увидев её кровавый лик, отшатнулся от неё. И когда вся Франция

трепетала перед террористами, он, один из немногих, осмелился славить Шарлотту Корде, умертвившую Марата, нападать на Робеспьера и отстаивать право приговорённого к смерти Людовика XVI на апелляцию к народу. Этого оказалось достаточно, чтобы революционный трибунал приговорил к смерти самого Шенье. Переживания поэта в ночь перед казнью и описал Пушкин в своём стихотворении.

8 термидора 1794 года Шенье везли на казнь в одной телеге с его другом поэтом Руше. Всю дорогу они беседовали о поэзии и декламировали стихи Расина. На эшафоте Шенье ударил себя в голову и сказал: «А всё же у меня там было кое-что!»

Обо всём вышесказанном можно сейчас прочитать в любом пушкинском издании. Но вот о чём мало кто знает. Дед поэта, вельможа из турецкого посольства, был так очарован Парижем и Францией, что свою новорождённую дочку назвал на французский лад Элизabet и дал ей французское воспитание. Через 25 лет в Стамбуле она вышла замуж за Луи Шенье, скромного советника французского посольства, и уехала с ним в Париж. Это и были родители Андрея Шенье...

Таким образом, человек, осмелившийся напомнить о законности свободолюбивым уроженцам некогда прекрасной, но охмелевшей от крови Франции, был полутурком, представителем традиционно авторитарной державы!

**«Знакомый голос
злобного поэта»**

В советское время на польского поэта Адама Мицкевича (1798—1855) установился благожелательный взгляд как на великого демократа, певца свободы, друга декабристов и Пушкина. В Москве в Глинищевском переулке на

стене бывшей гостиницы «Англия» установлена даже мемориальная доска с изображениями обоих поэтов и строками из пушкинского стихотворения, посвящённого Мицкевичу:

**Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...**

К сожалению, не у всех есть желание и время найти и дочитать это стихотворение до конца. А ведь в последующих строках Пушкин скорбит о том, что:

**Наш мирный гость стал нам
врагом и ныне
В своих стихах, угодник черни буйной,
Поёт он ненависть: издалека
Знакомый голос злобного поэта
Доходит к нам...**

Оказывается, в 1830 году «певец свободы» и «великий демократ» поддержал антирусское восстание и стал на сторону обнищавшей польской шляхты, требовавшей, что-

бы царское правительство отдало ей в полное и безвозмездное владение украинское и белорусское крестьянство. С тех пор ненависть к России навсегда поселилась в душе Мицкевича. И во время Крымской войны он отправился в Стамбул формировать там противорусский польский, а потом и еврейский легионы. Но выполнить это намерение не удалось: он скоропостижно умер от холеры в ноябре 1855 года...

Воплощение пушкинского Германна

Историю, приключившуюся с пушкинским Германном, большинство из нас воспринимает всё-таки как художественный вымысел. Но случилось так, что фантазия художника воплотилась в реальность семьдесят лет спустя. В сезон 1906—1907 года среди петербургских игроков гремело имя В. Семичёва. Когда этот мелкий банковский клерк в задрипанном сереньком пиджачке приезжал в Купеческий клуб, игра на других столах замирала и вокруг стола, где играл он, собиралась сотенная толпа. Бледный, с трясущимися холодными руками Семичёв сребрал со стола золото и кредитки и передавал их двум братьям, сидевшим позади его. За полтора месяца он выиграл у таких игроков, как купец Рябушинский, князь Барятинский, коннозаводчик Лазарев и др., 240 тысяч рублей.

Семичёва погубило загадочное упрямство: он поставил себе целью непременно выиграть четверть миллиона. До заветной суммы ему оставалось выиграть всего 10 тысяч рублей, но тут Фортуна повернулась к нему задом: в одну минуту он оставил весь свой небывалый выигрыш на тех же самых столах, на которых он пришёл к нему. Этот удар подействовал на Семичёва страшнее, чем на героя «Пиковой дамы»: проиграв всё, он прошёл в туалет и застрелился...

Эта история так потрясла завсегдатаев Купеческого клуба, что многие из них стали бояться испытывать судьбу и, выиграв 500—600 рублей, спешили уехать из клуба.

«Глаголом жги сердца людей»...

В записках знаменитой фрейлины двух императриц А.О. Смирновой-Россет приведён её любопытный разговор с Пушкиным, касающийся создания его знаменитого стихотворения «Пророк». Было это за год до его гибели.

— Я читал Библию от доски до доски в Михайловском, когда находился там в ссылке, — говорил Пушкин. — Читал некоторые главы даже своей Арине. Но я и ранее много читал Евангелие. Хотите ли вы, что бы я сделал вам признание?

Я как-то ездил в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду о Петре Великом. Служка попросил меня подождать в келье. На столе лежала открытая Библия, и я взглянул на страницы. Это был Иезикииль. Я прочёл отрывок, который перефразировал в «Пророке». Он меня внезапно поразил, и раз ночью я написал своё стихотворение; я встал, чтобы написать его, мне кажется, что эти стихи я видел во сне...

Иезикииля я читал раньше: на этот раз текст мне показался дивно прекрасным, и я думаю, что лучше его понял. Так всегда бывает со Священным писанием: сколько его ни перечитывай, чем больше им проникаешься, тем более всё расширяется и освещается.

Ещё две ипостаси

Из греческой мифологии известен Протей — сын бога Посейдона, наделённый провидческим даром. Желая избавиться от назойливых пытателей будущего, он маскировался, принимая десятки разных обликов. В сущности, каждый из нас тот же Протей, совмещающий в себе образы работника, отца, мужа, водителя, пешехода, пациента, налогоплательщика, квартиросъёмщика и т.д.

История предоставила нам уникальную возможность взглянуть на нашего национального поэта глазами доносчика и глазами дипломата. В июле 1826 года в Псковскую губернию был командирован херсонский помещик Александр Бошняк с тайным поручением «исследовать поведение известного стихотворца Пушкина», установить, не подбивает ли он крестьян к бунту. Объехав под видом

любителя ботаники поместья, рынки и постоянные дворы губернии, Бошняк установил: «Пушкин столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на расчёте ходу действий».

Несколько ранее в имении Лямоново, принадлежавшем предводителю псковского дворянства Пещурову, Пушкин встречался со своим лицейским приятелем А. Горчаковым, проходившим дипломатическую службу в Париже. После этого свидания Александр Михайлович написал своему дядюшке письмо, своего рода образец дипломатического искусства. «Несмотря на противоположность наших убеждений, я не могу не испытывать к Пушкину большой симпатии, основанной на воспоминаниях молодости и на восхищении, которое всегда вызывал во мне его поэтический талант. Его поведение было, впрочем, всегда нелепым, и надо признаться, что одна лишь ангельская доброта государя могла не утомиться обращаться с ним с той снисходительностью, которой он не всегда заслуживал».

Какими же разными оказались судьбы людей, оценивавших личность поэта в середине 1826 года! Спустя пять лет тайный агент правительства Бошняк был застрелен в пути вместе со своим кучером и камердинером в отместку за открытие заговора декабристов. А Горчаков сделал головокружительную карьеру, получив высший в России чин государственного канцлера, произведён в «светлейшие» князья и получил все мыслимые российские и иностранные ордена. Он умер в 1883 году в возрасте 85 лет, пережив всех своих лицейских однокашников...

Александр Михайлович
Горчаков

Мудров, лечивший Пушкиных

В Государственном музее А.С. Пушкина в Москве экспонируется небольшая, писаная на металлической пластинке миниатюра, на которой изображён Александр Сергеевич в возрасте трёх лет. В музей этот необычный экспонат попал окольными путями в 1960 году, после почти 120-летнего пребывания у потомков человека, имя которого мало о чём говорит современному читателю, но вписано золотыми буквами в историю отечественной медицины.

Матвей Яковлевич Мудров (1776—1831) окончил медицинский факультет Московского университета в 1800 году, стажировался за границей, сам стал преподавать в университете в 1808 году, во время наполеоновского нашествия эвакуировался со студентами в Нижний Новгород, а после изгнания врага восстанавливал нормальную работу на факультете.

Крупный терапевт Мудров разработал и внедрил схему обследования больных, ввёл в практику составление истории болезни, основал профилактическое направление в русской медицине и стал в известном роде московской достопримечательностью. У него лечилась вся московская знать, он был дружен с такими людьми, как знаменитый просветитель и масон Н. Новиков, ректор Московского университета И. Тургенев и его сыновья Александр и Николай, К. Батюшков, Н. Карамзин, И. Дмитриев, В. Жуковский, Василий Львович Пушкин — родной дядя знаменитого поэта. Возможно, именно через него состоялось знакомство Матвея Яковлевича с родителями поэта, а может быть, и с самим поэтом.

Будучи модным врачом, вхожим в дома князей и графов, Мудров не поддавался искушениям тщеславия и гордыни: бесплатно лечил неимущих, через жену декабриста Н. Муравьёва, первой последовавшей за мужем в Сибирь, организовал

снабжение читинской больницы медикаментами и лекарствами. О высоких нравственных принципах Мудрова свидетельствует и его трагическая кончина. Разработав новый метод борьбы с холерой, он был назначен членом Центральной комиссии по борьбе с этой болезнью, выехал в Петербург, где и пал «жертвой собственного усердия». Он умер от холеры в 1831 году и был похоронен на Охтенском холерном кладбище...

В 1833 году благодарная пациентка Мудрова Надежда Осиповна подарила его дочери Софье миниатюрный портрет своего сына Александра вместе с экземпляром его великого романа в стихах «Евгений Онегин». Бесценная реликвия хранилась у потомков Мудрова до 1950 года, когда правнучка Софьи Матвеевны Е. Чижова, восхищённая блестящей игрой В. Якута в роли А. Пушкина, преподнесла миниатюру артисту. Спустя десять лет Якут передал портрет Пушкина в трёхлетнем возрасте в дар музею А.С. Пушкина.

Сон майора Батурина

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что мысль написать поэму «Медный всадник» пришла Пушкину под влиянием истории, рассказанной императору Александру I обер-прокурором Святейшего Синода князем Александром Голицыным. В 1812 году, когда опасность вторжения французской армии грозила Петербургу, Александр I решил увезти из города статую Петра I, на что уже было отпущено несколько тысяч рублей. Но этой эвакуации воспрепятствовал друг императора князь Голицын, которого несколько дней осаждал какой-то майор Батурин. Добившись у князя аудиенции, майор рассказал ему, что его преследует один и тот же ужасный сон. Будто стоит он на Сенатской площади у памятника Петру и вдруг видит: лик царя поворачивается, он съезжает со скалы и на-

правляется по набережным и улицам к Каменному острову, где жил тогда император Александр Павлович. Батурин, влекомый какой-то чудесной силой, несётся за ним, слышит топот меди по мостовой и видит: всадник въезжает во двор Каменноостровского дворца. Навстречу ему выходит задумчивый и озабоченный Император Александр.

— Молодой человек! — говорит ему медный Пётр. — До чего же ты довёл мою Россию? Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!

Затем памятник поворачивает назад, И снова раздаётся тяжело-звонкое скаканье.

Поражённый рассказом Батурина князь Голицын, сам сновидец и мистик, поспешил рассказать о нём царю. И в то время, как государственные сокровища и учреждения были вывезены внутрь России, статуя Петра осталась на месте! Пушкин, — писал журнал «Русская старина», поведавший миру об этой истории, — был, как известно, чрезвычайно впечатлителен, и поэтические черты рассказа о странном сне в связи с судьбой России поразили его. Впечатление от этого рассказа, услышанного им в салоне графа Виельгорского, дало ему толчок к написанию великой поэмы. Он сделал это в Болдине в 1833 году...

